

© 2019

Игорь Анохов

кандидат экономических наук, доцент
Байкальского государственного университета
(г. Иркутск, Российская Федерация)
(e-mail: i.v.anokhov@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ГОРОДА

Автор статьи исходит из того, что социальное доверие — это предположение о добросовестности субъекта, и оно предшествует появлению социального капитала. При наличии социального доверия формируются социальные сети, продуктом которых и будет являться социальный капитал.

Выделен такой субъект социальной сети как «гарант взаимных услуг» и определены его функции, необходимые для развития сети.

Чтобы запустить в городской экономике механизм сетеобразования и акселератора социального доверия, в статье предлагается использовать привязку к определенному социально важному объекту. На взгляд автора, природные объекты в целом и лесные массивы в частности вполне соответствуют этим условиям.

В статье делается попытка оценить возможности увеличения социального доверия на примере особо охраняемой природной территории «Кайская роща», расположенной на территории города Иркутска.

Ключевые слова: социальное доверие, социальный капитал, социальные сети, институты, особо охраняемая природная территория, Кайская гора, лесопарки, малые группы, открытые и замкнутые сети.

DOI: 10.31857/S020736760003828-9

В настоящее время в терминологию экономистов входит такое понятие, как гигаполис — сверхкрупный центр, образованный из нескольких крупных городов с общей численностью населения более 100 млн человек. Такая концентрация предельно уплотняет ткань экономической деятельности с соответствующим повышением ее эффективности. Например, китайский город Шэньчжэнь сегодня включает в себя весь цикл производства электроники — от разработки идеи до погрузки готового изделия на борт судна.

Технологические возможности такого гигаполиса уже очевидны. В нём свободно циркулирует и доступен всем участникам технологической цепочки весь объем информации о существующих и перспективных видах продукции. Другими словами, здесь имеют место открытые инновации, которые «нацелены на создание новых коммерческих возможностей путем совместного вывода на рынок новых продуктов и услуг за счет использования комплементарных знаний разных партнеров» [7. С. 25]. Такие открытые инновации в свою очередь являются естественным следствием высокого уровня доверия между отдельными производителями, что позволяет почти мгновенно перестраивать контуры производства и создавать новые [34].

В нашей стране появление таких мегаполисов и такой концентрации экономической деятельности вряд ли возможно в обозримой перспективе. Для России характерно разнесение крупных производств на сотни и тысячи километров, что умножает транспортно-логистические и иные виды затрат. Большая протяженность в данном случае является минусом, но, как это обычно бывает, при определенных обстоятельствах она же может выступать как преимущество. На наш взгляд, природные объекты могут служить точками привязки для повышения уровня социального доверия в стране, что может иметь следствием активизацию открытых инноваций и рост конкурентоспособности.

Такое повышение уровня социального доверия не только возможно, но и срочно необходимо. Согласно современным представлениям, увеличение уровня доверия в стране на 1 пункт ведет к экономическому росту более чем на 0,5 п. [26. С. 1251]. Согласно другим исследованиям, в случае повышения доверия на 1 пункт эффективность судебных решений увеличивается на 0,7, а коррупция снижается на 0,3 п. [27. С. 334].

Следует обратить внимание на то, что социальный капитал основан на социальном доверии, но понятийно намного шире его. Термин «до-**ВЕР**ие» можно понимать, как нечто, предшествующее вере. Это позволяет трактовать социальное доверие как некий общественный аванс человеку в виде признания его добросовестности и искренности, хотя с ним еще не было опыта взаимоотношения. Если социальный аванс оправдывается, то возникает уже не *доверие*, а *вера* человеку и в человека. Вера определяется социальными практиками — наблюдаемыми способами действий индивидов и социальных групп.

Возникшая социальная вера освобождает от подозрений в оппортунизме и убирает преграды для плотных контактов и рискованных совместных проектов, когда уверенность в партнере особенно важна. В результате густота горизонтальных связей нарастает, что и приводит к появлению социального капитала. Пожалуй, наиболее удачное определение этому понятию дал В. Радаев: «социальный капитал — это совокупность отношений, порождающих действия» [18. С. 11]. Социальный капитал способен приносить выгоду участникам в различной форме, но он «тает», если нет постоянного потока неких социальных действий.

Часто социальный капитал является побочным результатом общественных действий (например, участия в хоре, работы в церковной общине, родительском комитете школы и т.п.). По этой причине он не создается единовременно, а требует целенаправленных длительных усилий в виде «непрекращающейся работы по установлению социальных связей, непрерывных серий обменов, в ходе которых признание постоянно утверждается и подтверждается» [4. С. 530].

Социальный капитал поддерживается и подпитывается контактами в рамках социальной сети. «В этом смысле социальный капитал неотчуждаем от обладающих им людей» [18. С. 11]. Социальная сеть в данном случае представляет собой аппаратную часть социального капитала, по которой движутся некие ресурсы.

Социальный капитал зависит от типа сети, которая может иметь замкнутую (рис. 1а) и открытую архитектуру (рис. 1б).

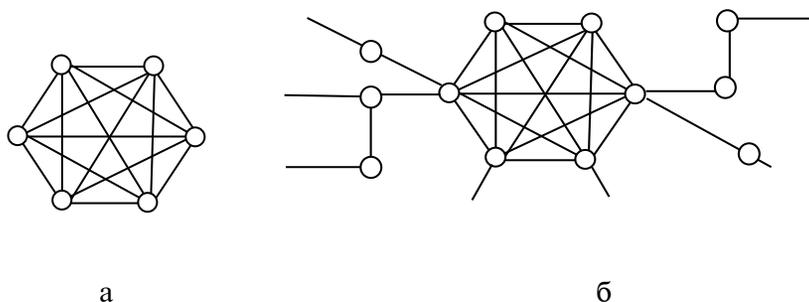

Рис. 1. Замкнутая и открытая архитектуры социальной сети

Замкнутая социальная сеть, как правило, однородна, очень устойчива и статична. Это, в свою очередь, неявно предполагает противопоставление окружающей среде, избегание новых социальных контактов, а также нежелательность включения новых неоднородных элементов. Однородность является краеугольным камнем и позволяет добиться максимального уровня социальной веры. Противопоставление себя другим сетям означает признание если не войны с ними, то вооруженного нейтралитета.

При определенных условиях закрытая социальная сеть может эволюционировать в *открытую форму*, расширяясь и переплетаясь с другими сетями, благодаря чему каждый элемент получает определенный доступ к человеческим, физическим и финансовым капиталам всех участников сети. Одновременно и он предоставляет свои ресурсы для доступа к другим. Если этот доступ по каким-то причинам ослабляется для других участников сети, то уменьшается объем проходящих через данного участника ресурсов, что постепенно ведет к потере его жизнеспособности. Напротив, участник повышает свою ценность для сети, наращивая свой личный человеческий капитал, что дает ему право рассчитывать на больший объем поддержки. Тем самым налаживается положительная обратная связь между инвестициями в себя и доступом к ресурсам других участников.

У сети с открытой архитектурой есть важное преимущество — принцип возрастающей отдачи, выражаемый законом Б. Меткалфа. В соответствии с этим законом ценность любой сети для пользователя эквивалентна квадрату количества узлов соединения. Иными словами, если в сети присутствует n пользователей, то ценность сети для каждого пропорциональна количеству остальных пользователей [19. С. 96]. Вместе с тем у такой сети есть множество системных проблем, которые будут рассмотрены ниже.

Открытая форма социальной сети успешно функционирует при условии существования некоторого субъекта, которого условно можно обозначить как «*Гарант взаимных услуг*». Его функцией являются контроль

над условным балансом между объемами отданных в сеть благ каждого участника и полученных им сетевых благ, а также формирование некоего условного индивидуального рейтинга или репутации. Функции такого гаранта могут быть распределены в сети между всеми участниками (в малой группе), либо локализованы в лице одного человека (в большой группе). В результате этого кроме горизонтальных связей возникает еще один функциональный уровень диагональных связей — *уровень поддержания гомеостаза сети*. На данном уровне происходит движение прав и обязанностей, присваивается членство, формируется репутация, выделяются ресурсы для развития членов сети.

Дальнейшее расширение сети, с одной стороны, означает рост объемов ресурсов и капиталов, включенных в общесетевой оборот. С другой стороны, сеть становится все более рыхлой и без усиления крепости и прочности связей и нитей может рассыпаться от любого колебания. На определенном этапе деятельность «Гаранта взаимных услуг» может оказаться недостаточной и потребуются выделение отдельного органа, имеющего монополию на угрозы, насилие и принуждение, например, путем исключения из сети. Таким образом, возникает третий функциональный слой — *силовой*, благодаря которому каждый участник теряет право на спонтанное, несанкционированное действие, т.к. это вызывает непредсказуемые и отложенные последствия для ветвей сети. В результате прочность связей возрастает, а жизнеспособность сети растет.

Однако кристаллизация и усложнение сети на этом не останавливаются. Социальный капитал распределен в сети неравномерно: ценность некоторых узлов выше, чем других. В результате участники обладают «как разным набором ресурсов, так и разными возможностями использования сети контактов определенной группы или даже нескольких подобных групп. Последние обладают в группе наибольшим числом контактов и имеют связи с представителями других групп. Они поддерживают взаимодействия членов группы, вовлекают в нее нужных людей» [11. С. 53]. В результате этого «на коне оказываются игроки с плотными, взаимно пересекающимися сетями, которые имеют выход на удаленные сети с множеством несводимых контактов. Актеры, занимающие такую позицию, строго автономны, т.е. могут накапливать стекающуюся к ним информацию, получать выгоду, возникающую в силу наличия структурных пустот (т.е. неиспользуемых возможностей), и, тем самым, восполнять проблемы в социальной структуре» [34. С. 229]. Такие актеры образуют еще один функциональный слой — *уровень внешних связей*, своего рода «министерство иностранных дел» при данной социальной сети.

На наш взгляд, можно выделить еще один функциональный уровень — *конституционный*, на котором дается определение ценностей и нравственных установок для всех участников сети. Представляется, что данный уровень должен реализовываться региональными органами власти, т.к. именно здесь должна возникать исходная предпосылка для социального капитала — социальное доверие.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем представить следующую схему кристаллизации социальной сети (рис. 2).

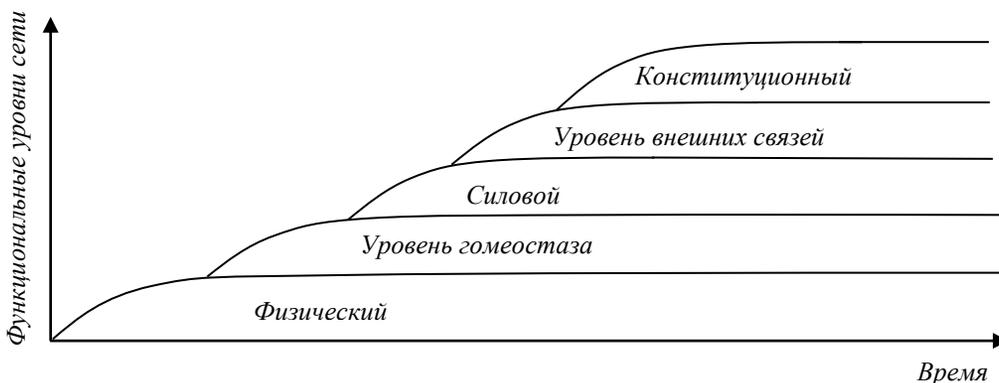

Рис. 2. Процесс кристаллизации социальной сети

В качестве иллюстрации процесса кристаллизации социальной сети может быть использована полуподпольная арабская система переводов денег или ценностей «хавала», широко развитая в странах Ближнего и Среднего Востока. Хавала исторически развивалась попутно с основным занятием торговцев, которые оказывали такую услугу своим соплеменникам и родственникам. С этой точки зрения хавалу можно отнести именно к социальной сети, а не к банковской системе. Со временем появились специализированные участники такой сети, принимающие и выдающие переводы (хаваладары). Очевидно, что такая, по сути, банковская, деятельность не может выполняться без клиринговых центров: всегда одна часть хаваладаров по проведенным расчетам будет в долгу перед другой. В связи с этим возникает необходимость взаимного зачёта, исходя из условий баланса платежей. Эту функцию должен взять на себя некий субъект, действующий на уровне гомеостаза из рис. 2. Благодаря этому неизвестному субъекту «обязательства по бухгалтерской отчетности могут передаваться другим операторам «Хавалы», которые могут суммировать и консолидировать бухгалтерские балансы (финансовые потоки) и уравнивать балансы на разных уровнях» [9. С. 133]. Кроме того, сеть хаваладаров по всему миру скрепляется на более высоких функциональных уровнях, где имеют значения «родственные или личные отношения, этническая принадлежность посредника-иммигранта» [24. С. 18], т.е. на силовых, внешних и конституционных уровнях (рис. 2).

Представляется, что на рис. 2 схема кристаллизации описывает естественное развитие социальной сети в наиболее общем виде. Эта схема может иметь специфические отличия в зависимости от перечня субъектов, от участия государства и т.п. В частности, характер социальной сети может определяться тем, складывается ли она вокруг конкурентного, ограниченного блага или основывается на неконкурентных отношениях.

1) Неконкурентная сеть.

Такие сети естественным образом складываются в местах работы и проживания человека. Социальный капитал в данном случае является следствием доверительных практик и означает передачу части своих задач другому или, что тоже самое, взаимобмен разнокачественными благами. Т. Брусенина [3. С. 328–329] приводит примеры таких благ, которые через социальные сети могут быть доступны индивиду:

- помощь в ремонте автомобиля, велосипеда и т.п. или в их аренде;
- помощь с ремонтом квартиры, переездом;
- совет в важных вопросах (семейных, рабочих и т.д.);
- заем крупной суммы денег;
- помощь в доступе к врачу без очереди;
- помощь в получении чего-либо на выгодных условиях;
- юридическая консультация;
- административная помощь в органах власти.

Как видим, участники социальной сети делятся друг с другом материальными, информационно-эмоциональными, временными, пространственными и человеческими (опыт, знания и др.) ресурсами. Если, например, индивид получил бесплатную помощь в ремонте автомобиля (физическую и/или консультационную), то он высвободил часть своих ресурсов (временных, материальных и других), которые бы потратил на самостоятельное изучение теории ремонта. Такие сэкономленные ресурсы он вероятнее всего направит на нужды, в которых помощь вряд ли возможна, или на деятельность, которую эффективнее сделать самому, чем поручать другому.

Если плотность социальной сети велика, то индивид будет выполнять самостоятельно относительно небольшой перечень работ, перепоручая остальные работы другим членам сети и «расплачиваясь» с ними помощью работы своего профиля.

Густота и насыщенность социальных связей и их продолжительность принципиально меняют институциональный ландшафт. Возникает система прав и обязанностей между членами сети, т.к. перепоручая другому часть своих задач, индивид получает дополнительную точку опоры и, в свою очередь, становится опорой для других участников сети. Образно говоря, участники балансируют на одной «ноге», удерживая равновесие благодаря опоре на соседей. Отказ от своих обязанностей перед другими участниками может обрушить их деятельность и принести негативные последствия для третьих лиц.

В результате у участников по мере «вращения» в сеть возрастают риски и возникает дилемма: отказаться полностью от участия в сети или использовать какие-то механизмы страхования от таких ситуаций. Первый вариант решения равнозначен резкому падению жизненного уровня, так как требует распределения личных ограниченных ресурсов «тонким слоем» на все свои потребности. Второй — требует изобретательности и решается с помощью указанных выше функциональных уровней.

Каждый акт помощи другому в социальной сети имеет два институциональных последствия:

- помощнику можно уже не доверять, а верить;
- помощник вправе рассчитывать на ответную помощь. Другими словами, помощник получает моральное право на возврат долга.

Накапливание такого неоплаченного долга усиливает риск утраты статуса полноправного члена социальной сети и перехода в статус безбилетника или паразита. Фактически формируется неявное требование каким-то образом возвращать долг обратно в систему.

Помощник же таким образом накапливает некий запас актов помощи, на которые сможет рассчитывать. В каком-то отношении это равнозначно денежному запасу. Этот вид активов для целей настоящего исследования можно обозначить как *ресурсные единицы*. На практике возможна передача таких ресурсных единиц, если помощник переадресует возврат долга другому лицу — получателю помощи. Если деньги функционируют безадресно, то ресурсные единицы всегда будут личными.

В этой связи не вызывает удивления приводимый Э. Остром факт: «возникали буквально тысячи возможностей для получения огромных выгод посредством нарушения правил и ожидаемые санкции за эти нарушения были сравнительно невелики... весьма примечателен тот факт, что уровень соблюдения правил во всех этих случаях был весьма высок» [3. С. 106–107].

2) Сеть, складывающаяся вокруг конкурентного ресурса.

Этот вид сети подробно рассмотрен в работах Э. Остром, которая исследует возможности управления стабильными местными коллективными ресурсами на основе социального доверия [31. С. 106]. По ее мнению, доверие является условием и одновременно следствием коммунального владения, которое «поощряет как доступ к определенным видам ресурсов, так и их оптимальную переработку, вознаграждая все общество результатами мероприятий по их сохранению, необходимых для защиты этих ресурсов от исчезновения» [28. С. 145]. Как справедливо отмечает Э. Остром, управление такими сетями и общими ресурсами отличает сложность и неопределенность [3. С. 79]. Основным источником неопределенности является недостаток знаний. Это влечет за собой опору на метод проб и ошибок.

На наш взгляд, развитие конкурентной сети происходит поэтапно:

1 этап. Антагонизм.

Отношения вокруг конкурентного блага строятся первоначально исходя из краткосрочного горизонта планирования, и, как следствие, максимально интенсивной эксплуатации ресурса. В результате возникает угроза его скорого разрушения, что может предотвращаться разумным самоограничением пользователей (что маловероятно) или вмешательством третьих лиц (например, государства). Так, серьезные переговоры по поводу потребления воды в городе Пасадене (штат Калифорния, США) начались только при соучастии администрации города и под эгидой суда [3. С. 215].

В силу недостаточной организованности всех участников сети отношения строятся не через кооперацию, а через противоборство, что вызывает избыточные затраты на безопасность и защиту собственности. О такой проблеме говорил М. Олсон: «...когда ряд индивидов имеет общий или коллективный интерес — когда они разделяют одну цель, индивидуальные, неорганизованные действия либо вообще не в состоянии обеспечить этот общий интерес, либо не могут адекватно способствовать достижению этой цели» [30. С. 7].

Одна из главных причин антагонизма — это отсутствие достоверной информации о намерениях других участников (провалы эмпатии). Соответственно, антагонизм уменьшается через выяснение мотивов и нравственных принципов человека.

В свою очередь, понимание другого человека невозможно только в официальных коммуникациях, где все надевают свой профессиональный «мундир» и действуют по должностному алгоритму. Здесь каждый становится функцией или проявлением той абстрактной силы, о которой говорил Л. Толстой: «в измененном лице капрала, в звуке его голоса, в возбуждающем и заглушающем треске барабанов Пьер узнал ту таинственную, безучастную силу, ...действие которой он видел во время казни. Бояться, стараться избегать этой силы, обращаться с просьбами или увещаниями к людям, которые служили орудиями ее, было бесполезно» [22. С. 125].

Исходя из этого, узнать человека — это значит увидеть его без «мундира», т.е. в спортивном зале, местной церкви или, например, в походе. Только в таких обстоятельствах можно судить о нравственных устоях, мотивах и намерениях человека. Таким образом, антагонистическая социальная сеть может быть трансформирована в нечто качественно иное через создание малых групп, в которых происходит взаимоузнавание.

Каждый, кто имел опыт участия в собраниях в товариществе собственников жилья, членов садоводства и т.п., скорее всего сталкивался с тем, что принять оптимальное для всех решение крайне сложно. Часто, не добившись устраивающего всех решения, группа наиболее активных граждан берет на себя данную задачу, если решает, что вложение их личных сил и времени оправданно. Гармонизации интересов и снижения конфликтности, вероятно, удалось бы достичь, используя тот же самый инструмент в виде сети малых групп (группа садоводов, группа спорта и т.п.).

2 этап. Совокупность малых антагонистических групп вокруг конкурентного блага.

Разрозненные индивиды объективно не могут противостоять никакому, даже слабому, коллективу, что будет объективно подталкивать их к объединению.

По мнению Бьюкенена [5], если индивид не находится под постоянным контролем в рамках малой группы, то он фактически не опасается разоблачения и никогда не действует этично. Соответственно, включение индивида в малую группу имеет несколько последствий:

- появляются новые права и обязательства перед членами этой группы;
- члены группы становятся свидетелями социальных практик индивида;
- индивид приобретает репутацию и соответствующее право на доверие для внешних субъектов.

Соответственно, отношения вокруг конкурентного блага выстраивают уже не индивиды, а группы со своим специфическим уставом в виде внутренних правил и норм. Это не означает снижения накала конкурентной борьбы, но облегчает контроль над соперниками, позволяет накапливать силовой потенциал, а также дает возможность выхода на внешние центры силы.

В конце концов выделяется одна или несколько малых групп с наибольшими силовыми потенциалами, позволяющими им навязывать свою волю другим, более слабым группам. Если доминирующие группы приходят к осознанию невозможности отстранить друг друга от конкурентного блага, то они вынуждены не только «толкаться локтями», но и каким-то образом упорядочивать взаимоотношения.

3 этап. На этом этапе происходит окончательная структуризация сети конкурентов, а также появление надстроек, выполняющих те или иные сетевые функции. Этот процесс очень хорошо исследован в работах Э. Остром [32, 33].

Обстоятельства объективно принуждают доминирующие группы сесть за стол переговоров для минимизации рисков и избыточных затрат на защиту собственности. Их действия по поводу исчерпаемого конкурентного блага включают в себя:

- а) формулирование проблемы присвоения и проблемы обеспечения предложения данного блага в качестве предмета переговоров;
- б) определение способа решения этих проблем;
- в) практическое воплощение найденного и одобренного группами решения;
- г) контроль над ходом воплощения решения;
- д) корректировку способа решения, целей и алгоритма взаимодействия.

Выполнение приведенных выше пунктов запускает процесс образования новых функциональных уровней (рис. 2). В первую очередь, общее собрание всех конкурирующих групп должно ответить утвердительно или отрицательно на вопрос «Необходимо ли решать *совместно* проблемы присвоения и проблемы обеспечения предложения данного блага?». При положительном решении создается исполнительный комитет, который должен материализовать волю общего собрания и найти техническое решение, которое устроило бы всех.

Отдельный орган создается для выполнения контрольной функции. Наилучший способ для этого — взаимоконтроль друг за другом, что, однако, не всегда физически возможно. С этой целью, например, общее собрание жителей японских деревень для управления общинными лесами наделали правом наложения санкций и поимки нарушителей детективов, в т.ч. из местных жителей. Служба детективов считалась почет-

ной и выгодной. Детективы фактически получали временные властные полномочия. Их доминирующей стратегией становилось превращение временных выгод в постоянные, что привело к созданию силового функционального уровня.

В испанской Валенсии фермеры, пользующиеся общей ирригационной системой, выбирают также инспекторов, решающих технические вопросы. Но на практике эти субъекты будут выполнять волю той группы фермеров, которая имеет наибольший потенциал принуждения. Более того, в некоторых сообществах применяется имущественный ценз, например, право голоса в Аликанте (Испания) получают только фермеры, владеющие более 1,8 га земли. Правомочия дробятся, в том числе и затем, чтобы минимизировать риски злоупотребления властью и усилить взаимоконтроль.

Для разрешения спорных ситуаций общим собранием должны быть предусмотрены судебные функции и определена соответствующая структура. Например, производители воды рассматривали возможность инициировать судебные разбирательства с тем, чтобы уменьшить количество выкачиваемой воды и перейти к нормированию использования ограниченных ресурсов пресной воды в зоне Западного бассейна (штат Калифорния, США) всеми производителями этой зоны.

Отдельная контрольная функция возлагается на средства информирования. Так, с 1946 г. по 1954 г. всем членам ассоциации потребителей водных ресурсов Западного бассейна рассылалась еженедельная газета. Это позволило им оперативно и одновременно узнавать о гидрогеологической структуре бассейнов. До такого инвестирования в информацию ни у кого не было ясной картины границ, паттернов спроса и уровней водоносных пластов в том или ином бассейне.

Однако даже такие шаги еще не гарантируют достижения оптимума для всех участвующих. Ни одна из малых групп не склонна отказываться от «перетягивания одеяла на себя». Так, крупный держатель прав на воду и землевладелец в зоне Западного бассейна «Корпорация водоснабжения Домингес» имела значительное влияние в регионе и в течение 18 лет предпринимала постоянные попытки пересмотреть в свою пользу условия пользования водными ресурсами, прибегая к помощи судебной системы, вплоть до Верховного суда штата Калифорния.

Проектирование социальной сети на основе привязки к природному объекту

На наш взгляд, процесс структуризации социальной сети и образования социального капитала требует целенаправленных усилий региональных органов власти. Рассмотрим этот процесс на примере города Иркутска, который исследуется в многочисленных публикациях, нацеленных на придание его развитию нового импульса [6, 13, 14, 15, 16, 22].

На наш взгляд, *на первом этапе* требуется привязка проектируемой социальной сети к некоторому объекту. Социальный капитал и социальная сеть могут складываться вокруг многих объектов, в т.ч. вокруг

общедоступных природных объектов, одним из которых являются лесные массивы, расположенные как между крупными городами, так и внутри них.

Рассмотрим возможности развития социального капитала на примере особо охраняемой территории «Кайская роща» (далее — ООПТ «Кайская роща»), расположенной рядом с центром города Иркутска. Название роще дала протекающая поблизости река Кая. Эта территория в городской черте является естественным природным убежищем для 197 видов высших сосудистых растений, 2 видов земноводных, 2 видов рептилий, 19 видов млекопитающих и 135 видов птиц, включая сезонные пролетные виды. Из них в Красные книги Российской Федерации включено 3 вида высших сосудистых растений, 6 видов птиц. Общая площадь участка — 50,35 га.

ООПТ «Кайская роща» территориально является единым целым с двумя объектами природного и культурного наследия региона:

1) Ботанический сад Иркутского государственного университета (единственный ботанический сад в Байкальской Сибири с крупнейшей в регионе коллекцией из более чем 3 тыс. видов растений).

2) мемориал Глазковского кладбища, где погребены известные деятели Иркутской губернии и Иркутска (писатели И.И. Молчанов-Сибирский, П.Г. Маляревский, П.И. Малиновский и др., ветераны мировых войн).

На наш взгляд, самые быстрые результаты может дать социальная сеть, созданная вокруг конкурентного блага. В этой связи *на втором этапе* нам необходимо выделить те блага, которые приносит и может приносить такой крупный лесной массив в черте города, как Кайская роща:

1. Самая очевидная польза леса — это выполнение функций легких для города. Лесопарк восстанавливает живительную силу воздуха, очищает и увлажняет его [2]. Кайская роща способствует концентрации влаги и устранению городской пыли.

2. Нельзя сбрасывать со счетов и те дары, которые может давать лес: ягоды и плоды, лекарственные травы и грибы. Низкие затраты на их сбор могут сделать Кайскую рощу очень привлекательной в качестве объекта постоянного попечения.

3. Знания о природоустройстве для учащихся. Восстановленный лес может стать естественным прибежищем разных животных вплоть до достаточно крупных, например, оленей. Наблюдение и общение с ними само по себе являются наградой для любого школьника. После такого опыта биология и окружающая среда перестанут быть скучными предметами в школе, т.к. будут опираться на реальный, личный опыт.

4. Научные исследования. Лесопарк является прекрасным полигоном для изучения флоры и фауны в их условно естественном состоянии. Вдумчивый наблюдатель сможет сделать множество открытий и сформулировать новые законы.

5. Лесопарковая зона является идеальным объектом для проведения регулярных спортивных мероприятий: занятий бегом, лыжами и т.д. Такие спортивные события могут стать визитной карточкой Иркутска. Р. Флорида полагает, что «креативные люди очень высоко ценят активные виды спорта и туризм. Их привлекают те города и сообщества, где популярен активный отдых на свежем воздухе» [25. С. 198]. При этом отмечается падение интереса к соревновательным видам деятельности и просмотру спортивных передач.

Лесопарк является альтернативой напряжению городской среды. Другая реальность города, другое его измерение подталкивают человека к метаморфозе от человека промышленного (человека-функции) к человеку созерцающему, а затем и к человеку творящему. Лесопарк может стать местом пробуждения творчества и креативности.

6. Лесопарк также является пространством для нового опыта. Жизнь среднестатистического горожанина перенасыщена визуальными образами и разного рода информацией, слабо связанной с окружающими явлениями. Современный горожанин почти лишен опыта соприкосновения с реальными, а не искусственными объектами. В лесном массиве человек может испытать положительные эмоции, связанные с неутилитарным проведением свободного времени, реализацией тех аспектов внутреннего развития, которые затруднительно осуществить в других областях практики. Поэтому опыт общения с природой контрастен рабочим будням, общественным обязательствам, домашним нагрузкам. С этой точки зрения лесопарк можно обозначить как институт эмоционального развития, нацеленный на то, чтобы «жить во взаимности и сопричастности всему сущему на свете» [1]. Появляются даже такие направления человеческого опыта, как садовая терапия — «это процесс использования растений и сада для улучшения человеческого благосостояния» [21. С. 48]. Люди, приобретающие опыт парковой деятельности, ценят сам факт своего участия в тех видах деятельности, которые им предлагаются. Подобно тому как люди сократили потребление товаров и стали тратить больше денег на услуги, сейчас они пересматривают количество времени и денег, уходящих на услуги, чтобы высвободить место для более запоминающихся — и более ценных — форм опыта.

7. Репутация. Более-менее адекватно узнать человека можно прежде всего в совместной трудовой деятельности, где будут продемонстрированы нравственно-волевые качества каждого. Артисты, политики и разного рода общественные деятели давно уже осознали, что защита природы и исчезающих видов животных приносит также и публичное одобрение, дает своего рода печать общественно полезной нравственности.

8. Увеличение популярности Иркутска как места жизни. Город — это, прежде всего место, которое притягивает все новых и новых жителей. Несмотря на виртуализацию коммуникаций, популяризацию удаленной работы и снижение зависимости от рабочего места, география и структура города сохраняют свое значение, а может быть даже усиливают его. Так Р. Флорида полагает, что «место превратилось в главный

организующий компонент нашего времени, переняв многие функции, выполнявшиеся ранее фирмами и другими организациями... именно географическое местоположение, а не корпорация, предоставляет организационную матрицу для сочетания людей и рабочих мест. В современном бизнесе доступ к талантливым и креативным профессионалам является примерно тем же, чем был когда-то доступ к углю и железной руде в сталелитейной промышленности. Им определяется, где будут возникать и развиваться компании, что, соответственно, меняет условия конкуренции между городами» [25. С. 31]. Другими словами, привлекательный город притягивает сегодня талантливых и разборчивых профессионалов, а вслед за профессионалами следуют и крупные корпорации.

На *третьем этапе* составим перечень субъектов, которые могут быть заинтересованы в деятельности ООПТ «Кайская роща»:

1. Детские экологические организации: «Через ощущения своей общности, связи и включенности во все остальное творение, школьник способен приобретать опыт переживания растений и животных как части самого себя» [12. С. 64]. Эмоциональная отзывчивость к природе в целом начинается с любви к конкретным природным объектам или явлениям, к отдельным животным или растениям [10]. Силами таких юных экологов могут создаваться музеи, лесные опытные станции, сады, питомники и т.д.

2. Разного рода спортивные организации, не привязанные к занятиям внутри помещений.

3. Научные организации (как профессиональные, так и любительские). Среди последних набирают популярность исследователи пармакультуры, заинтересованные в создании самоподдерживающейся природной среды, обеспечивающей разного рода полезными продуктами без перманентных трудовых усилий. Учитывая транспортную доступность и обширность ООПТ «Кайская роща», она представляет прекрасные возможности для таких исследований.

4. Некоммерческие общества по выращиванию и сбору дикоросов, по созданию питомников для культурных растений. Такие общества могут получить в пользование некоторую ограниченную площадь на территории ООПТ «Кайская роща» при условии общественной полезности их деятельности.

5. Органы власти, политические партии. Их деятельность не возможна без постоянного и наглядного подтверждения их нравственно-полезной деятельности и выполнения предвыборных обещаний. ООПТ «Кайская роща» как нельзя лучше подходит для этой цели – как спасение островка первозданной природы и редких видов животных. Максимально плотное участие в судьбе ООПТ «Кайская роща» во многом способствует их политическому будущему.

6. Предпринимательские структуры, которые заинтересованы в позитивной общественной репутации. Сегодня, пожалуй, не найдется фирмы, которая была бы совершенно безразлична к общественному мнению. Прямо или косвенно публичная оценка влияет на отношения с

клиентами, поставщиками, органами власти. Участие же в деятельности ООПТ создает постоянный поток событий и предлогов для освещения в прессе.

На *четвертом этапе* органы власти должны взять на себя конституционные функции и установить ряд принципов функционирования ООПТ:

- особо охраняемая территория «Кайская роща» является безусловной ценностью в масштабах Байкальского макрорегиона;
- «Кайская роща» не является самодостаточной и нуждается в созидательном труде человека для раскрытия всей полноты ее качеств;
- существует перечень деятельности, требующейся для развития Кайской рощи;
- каждый неравнодушный и сознательный гражданин вправе взять на себя один из видов деятельности;
- существуют признаки эффективности участия отдельного гражданина или коллектива в ООПТ «Кайская роща», перечень санкций и бонусов для него, а также способы разрешения конфликтных ситуаций.

Принимая такие ценностные установки, заинтересованные граждане или коллективы вправе приступить к решению развитию ООПТ. Для этого предлагается перечень видов деятельности, направленных на эксплуатацию, сохранение и поддержание ООПТ в состоянии неистощительного и постоянного лесопользования:

- санитарно-оздоровительные, которые включают уборку сухостоя, санитарную рубку, уборку захламленности и уход за особо ценными деревьями, защиту леса от вредителей и болезней [20];
- лесохозяйственные: рубки ухода, включающие осветление, прочистки, прореживания, проходные, обновления, переформирования. К лесохозяйственным мероприятиям относятся также реконструкция насаждений, рубки ухода за подростом или подлеском, рубки ухода в сложных насаждениях, лесопарковые посадки, включающие лесные культуры, ландшафтные посадки и специальные посадки, противопожарные мероприятия, мероприятия по борьбе с вредителями и болезнями;
- биотехнические: работы по охране и воспроизводству фауны, регулированию численности и видового состава животных, улучшению условий обитания животных;
- благоустройство территории, в т.ч. инженерно-строительные работы различного профиля, устройство водоемов, создание газонов, рекультивацию земель.

Представляется, что все указанные виды физических работ не требуют длительного обучения и могут выполняться любым здоровым человеком. Желаящие выполнять эти работы вправе рассчитывать на «присвоение» указанных выше благ ООПТ. До этого они должны создать социальную сеть, распределив работы между собой и создав бригады, специализированные по видам работ. В результате на данном этапе должны быть созданы малые группы, находящиеся в тесной взаимосвязи.

На следующем этапе выполняемые малыми группами работы должны усложняться за счет менее заметных работ обеспечительного характера: предоставление транспорта, обеспечение поиска и подготовка персонала, организация сбыта природных благ и т.п.

В результате произойдет следующий виток организационной сложности социальной сети: появится еще один более высокий функциональный уровень деятельности, который можно обозначить как *коммуникативный*. На этом уровне обеспечивается организация взаимодействия между членами коллектива с целью обеспечения исполнителями, материалами и инструментами, логистической поддержкой и сбытом.

Однако кроме коммуникативной и физической специализации в деятельности ООПТ «Кайская роща» имеет место еще ряд технологически сложных действий:

- ландшафтная таксация;
- почвенно-мелиоративные изыскания;
- лесопатологическое обследование;
- санитарно-гигиенические исследования или изучение состояния окружающей среды;
- инженерные изыскания дорожно-тропиночной сети;
- гидротехнические и гидрологические изыскания;
- социальные исследования;
- экономические исследования.

Эти виды работ можно сгруппировать в два функциональных уровня: технологический и социально-экономический. На первых порах развития социальной сети эти работы выполняются органами власти. По мере «взросления» и кристаллизации сети в ее распоряжение должны передаваться все более сложные виды деятельности. Таким образом произойдет «вращивание» сети и социального капитала в регионе.

Следствием предложенной в статье системы управления ООПТ «Кайская роща» может стать плотная социальная «ткань» в регионе. Мировой опыт свидетельствует о том, что такие социальные связи являются мощным катализатором кооперационных отношений между производителями, исследователями, гражданским обществом и органами власти. Знакомства и личные контакты социальной сети, сформировавшейся вокруг лесного массива, запускают целый каскад хозяйственных связей и производственных цепочек. Параллельно с этим будет усложняться и кристаллизоваться сама социальная сеть.

Литература

1. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества // СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
2. Белых О.А., Мокрый А.В., Галемина М.А., Каницкая Л.В., Султанова Э.Т., Чупарина Е.В. Экологическая оценка состояния пригородных лесов г. Байкальска // Известия БГУ. 2015. № 5. С. 913–920.
3. Брусенина Т.В. Социальный капитал жителей региона (на примере Вологодской области) // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4 (04). С. 325–334.

4. *Бурдые П.* Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН. 2004.
5. *Бьюкенен Д.* Избранные труды // М.: Таурис Альфа. 1997.
6. *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Города Иркутской области (2-е изд., испр. и доп.). - Иркутск, Издательство БГУ. 2011. 344 с.
7. *Гроссфелд Т.* Логика открытых инноваций: создание стоимости путем объединения сетей и знаний // Форсайт. 2008. № 1 (5). С. 24–29.
8. *Грушина О.В., Руднева Г.А.* Проблемы благоустройства территории отдаленных микрорайонов города Иркутска на примере микрорайона Славный // В сборнике: Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития. Материалы 4-й Международной научно-практической онлайн-конференции (включая конкурсные работы студентов). 2017. С. 133–140.
9. *Земцов А.А.* Системы традиционных денежных переводов для домохозяйств / А.А. Земцов, О.Д. Имонов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 39. С. 130–137.
10. *Зотов В.В.* Воспитание у младших школьников эмоционально-ценностного отношения к природе // Дис. ... канд. пед. наук. М. 1998.
11. *Курбатова М.В.* Социальный капитал предпринимателя: формы его проявления и особенности в современной российской экономике / М.В. Курбатова, Н.Ф. Апарина // Terra Economicus. 2008. Том 6. № 4. С. 45–55.
12. *Курносова С.А.* Воспитание эмоциональной отзывчивости к природе у младших школьников // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 75. С. 220–230.
13. *Метелева Е.Р.* Конкуренция и кооперация городов в условиях глобализации // В сборнике: Евразийское сотрудничество. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 180–186.
14. *Метелева Е.Р.* Зарубежные подходы к исследованию крупнейших городов в условиях глобализации // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 1. С. 12.
15. *Метелева Е.Р.* Обзор подходов к изучению феномена мировых (глобальных) городов. // В сборнике: Совершенствование механизмов взаимодействия региональной власти, органов местного самоуправления и населения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию образования Новосибирской области: в 3 частях. 2017. С. 69–75.
16. *Мухаметгалиева Л.А., Вихорева М.В.* История и проблемы брендинга города Иркутска // В сборнике: Информатизация и виртуализация экономической и социальной жизни. Материалы IV Межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием (электронное издание). Иркутский национальный исследовательский технический университет. 2018. С. 168–171.
17. *Поляков В.В.* Доверие как фактор поведения потребителей банковских услуг // Известия БГУ. 2012. № 5 (85) С. 61–65.
18. *Радаев В.В.* Социальный капитал как научная категория. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 11.
19. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция // М.: Фаир пресс, 2006.
20. *Русецкая Г.Д., Дмытерко Е.А.* Особо охраняемые природные территории - инструмент устойчивого управления природопользованием // Известия БГУ. 2017. № 4. С. 478–487.
21. *Сизых С.В.* Садовая терапия (гарденотерапия): Использование ресурсов ботанического сада для социальной адаптации и реабилитации. Справочно-методическое пособие / С.В. Сизых, В.Я. Кузванов, С.И. Белозерская, В.П. Песков // Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2006.
22. *Тагаров Б.Ж.* Информационные проблемы производства общественных благ // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2018. № 2. С. 68–75.

23. Толстой Л.Н. Война и мир / Том четвертый. Часть вторая. Глава XIII // М.: Художественная литература, 1955.
24. El-Qorchi M. Hawala: comment fonctionne ce systeme informel de transfert de fond? // Problemes econ. P., 2003. N 2805, pp. 17–20.
25. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent // Blackwell Publishing Ltd. 2006.
26. Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112. No 4, pp. 1251–1288.
27. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Trust in Large Organizations // American Economic Review Papers and Proceedings. 1997. Vol. 87. № 2, pp. P. 333–338.
28. McKean M.A. Management of Traditional Common Lands (Iriaichi) in Japan. In Proceedings of the Conference on Common Property Resource Management, National Research Council, 1986, pp. 533–589.
29. Netting R. McC. What Alpine Peasants Have in Common: Observations on Communal Tenure in a Swiss Village // Human Ecology 4. 1976. N 4, pp. 135–146.
30. Olson M. The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups // Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1965.
31. Ostrom E. A behavioral approach to the rational choice theory of collective action: Presidential address, American Political Science Association. 1997; American Political Science Review, 1998, N 92 (1), pp. 1–22.
32. Ostrom E. Governing the commons: The Evolution of Institutions for Collective Action // Cambridge: Cambridge University Press, 1990, pp. 280.
33. Ostrom E. Institutional Arrangements for Resolving the Commons Dilemma: Some Contending Approaches / The Question of the Commons: The Culture and Ecology of Communal Resources eds. McCay B.J., Acheson J.M. // Tucson: University of Arizona Press, 1987, pp. 250–265.
34. Powell Walter W. The Social Construction of an Organizational Field: The Case of Biotechnology // Paper presented at conference on Strategic Change at Warwick Business School. Warwick, U.K, 1993.
35. Rodríguez D. Diagnóstico de la cultura organizacional. Alfaomega. Pp. 2005. 136–157. México.